

Императорский кортеж продвигался стремительно. Едва передовая повозка поравнялась с дорожным изгибом, как из густых придорожных зарослей внезапно вырос силач, нанятый Господином Цанхаем.

Широко расставив ноги, богатырь вскинул над головой огромный железный молот весом в добрых сто двадцать цзиней и запустил его в воздух.

От грозного блеска Шэнь Цинчжоу невольно зажмурился. Вокруг взметнулись фонтаны дорожной пыли и острых осколков: передовая колесница, запряженная шестеркой лошадей, с оглушительным треском разлетелась в щепки.

Железный снаряд канул в поднявшейся туче пыли. Колесница завалилась набок, увлекая за собой великолепных императорских коней; они падали один за другим, беспорядочно суча копытами и испуганно, жалобно ржа.

Из-за внезапного нападения следовавшие за кортежем сановники и военачальники поспешно высыпали из повозок. Застыв у обочины с опущенными руками, они тревожно ждали указаний.

Даже Шэнь Цинчжоу заметил, что, несмотря на потрясение, приближенные императора не поддались панике. Что уж говорить о Чжан Ляне — будущем великом стратеге и одном из трех столпов Ханьской династии.

План рухнул.

Ин Чжэна в той колеснице не оказалось.

Силач к тому времени уже скрылся из виду. Чжан Лян разрывался от тревоги: если бежать прямо сейчас, другого шанса поквитаться с тираном у него уже не будет.

В этот миг томительного колебания замерла вторая колесница. Кто-то сильными, сухими пальцами отодвинул тяжелую парчовую штору.

Чжан Лян замер, вглядываясь в появившуюся фигуру. И хотя он видел лишь неясный силуэт в черных одеждах, исходящая от него аура подавляла. Сила духа этого человека, первого истинного владыки Поднебесной, была сокрушительной.

Величественный, точно древний хребет, и непостижимый, как бездонная пучина.

Чжан Лян затаил дыхание. Император неторопливо сошел на землю. Он обвёл толпу холодным и темным взглядом, не выражая ни гнева, ни милости.

Следом за государем показался советник Мон И. Он замер у плеча владыки, настороженно

вглядываясь в окружающие холмы.

Облик тирана оказался совсем не таким, каким его воображал заговорщик. Император с резкими, хищными чертами лица обладал суровой, пугающей красотой. Он казался живым воплощением тяжелого циньского меча, омытого кровью, или древнего гранитного изваяния.

Семь бед — один ответ!

Чжан Лян крепче сжал рукоять Меча Влекущего Тень, проверил, плотно ли сидит черная маска на лице, и пружинисто прыгнул вперед, целясь прямо в сердце злейшего врага.

— Умри, тиран!

Победа или смерть!

Он яростно закричал. Меч Влекущий Тень прочертил в воздухе ослепительную дугу, подобно падающей звезде, и устремился к груди Ин Чжэна.

Даже зная, что покушение в Боланша обречено на провал, Шэнь Цинчжоу не на шутку разволновался. Глазами древнего оружия он в упор смотрел на человека, который подчинил себе всю Поднебесную.

Величие этого человека воистину не знало равных. Спокойный, непостижимый, он словно удерживал на себе равновесие всей вселенной.

Мон И испуганно вскинул брови, а вот Ин Чжэн лишь слегка повернул голову. Он смотрел невозмутимо и глубоко.

"Уклоняйся же! Чего ты медлишь?!"

Шэнь Цинчжоу сам не понимал, отчего так тревожится за человека, жившего две тысячи лет назад. Однако сейчас, будучи лишь бесплотным духом внутри клинка, он мог кричать только в безмолвии собственного разума.

— Государь!

— Защищайте императора!

Отчаянные крики свиты разорвали тишину.

Внезапно из той же колесницы выкатился неуклюжий карапуз. Он прытко соскочил на землю

и, решительно раскинув худенькие ручки, заслонил собой императора Великой Цинь.

Клинок Чжан Ляна на долю секунды замер.

Ни о каком малолетнем царевице в дорожной свите императора слухов не ходило.

Мальчишке на вид было не больше четырех или пяти лет. Короткие ножки еще подкашивались, но он смотрел с удивительной, совсем не свойственной его возрасту решимостью.

Шэнь Цинчжоу, наблюдавший за всем из глубин клинка, тоже оцепенел.

"Этот ребенок... Да ведь это же я сам?!"

Он всмотрелся пристальнее, чувствуя, как внутри нарастает холодный озноб.

Сомнений не оставалось: мальчуган, заслонивший собой великого правителя, был его точной копией в нежном детском возрасте.

"Но... как такое вообще возможно?!"

Но колебания нападавшего длились лишь мгновение. Ненависть к завоевателям требовала крови. Чжан Лян сделал выпад, и Меч Влекущий Тень отозвался яростным ревом силы. Клинок овеяло ураганным вихрем энергии, который мгновенно раскидал подступившую стражу.

Чжан Лян рванулся вперед, направляя смертоносное жало прямо в сердце Ин Чжэна.

Почти!

"Умри, тиран!"

Но в тот самый миг, когда острое должно было пробить грудь императора, Меч Влекущий Тень резко остановился. Он завис в воздухе, словно натолкнувшись на непреодолимую стену.

Ошеломленный Чжан Лян до хруста сжал рукоять и навалился всем весом, пытаясь опустить клинок, но наткнулся на невидимую, колоссальную преграду. Священный меч не поддавался ни на волос.

Казалось, между ним и правителем Великого Цинь выросла прозрачная стена, преодолеть которую было невозможно.

"Что за чертовщина?! Неужели этот деспот владеет колдовством?!"

Чжан Лян бросил взгляд на императора и обомлел. Ин Чжэн оставался спокоен. Он не выражал ни триумфа, ни страха — лишь бездонное, холодное равнодушие.

Ин Чжэн попросту не воспринимал это покушение всерьез.

Чжан Лян изо всех сил дернул рукоять назад. На этот раз оружие поддалось легко, но плотное кольцо императорских гвардейцев уже смыкалось вокруг него. Момент был упущен.

Если не убраться сейчас, живым отсюда не выйти.

Чжан Лян резко оттолкнулся от земли и с невероятной скоростью растворился в лесной чаще.

Напоследок он бросил короткий взгляд назад. Ин Чжэн стоял, положив руку на плечо спасшего его малыша. Впервые за все время он слегка смягчился в лице.

Мальчик, похожий на искусно выточенную нефритовую статуэтку, доверчиво жался к ногам грозного государя.

Неужели этот безжалостный правитель, утопивший Поднебесную в крови, способен на такую нежность?

Чжан Лян не ведал ответа, да и Шэнь Цинчжоу не мог бы в это поверить.

Строки пожелтевших хроник слишком блеклы, чтобы вместить судьбы великих мужей прошлого, и уж точно не способны передать всю глубину чувств этой загадочной фигуры — человека, ставшего Первым Императором.

Но если Чжан Лян был всего лишь временным хозяином Меча Влекущего Тень, то Шэнь Цинчжоу соприкасался с самой его душой.

Юноша понял то, чего не мог знать заговорщик: удар сорвался не из-за тайного колдовства Ин Чжэна. Против воли хозяина восстал сам клинок.

Духовная сущность меча воспротивилась убийству.

Если бы лезвие опустилось на Ин Чжэна, бушующая волна энергии неизбежно разорвала бы стоявшего рядом ребенка. А ранить это дитя Меч Влекущий Тень не желал ни при каких обстоятельствах.

Кто же этот ребенок, чье лицо один в один повторяло его собственное в детстве?

И какая таинственная связь соединяла его с священным оружием, раз клинок пошел против воли владельца, лишь бы не навредить малышу?

Отыскать ответы он не успел: перед глазами всё застлало пеленой, а в ушах загрохотал яростный, рокочущий шум бегущей воды.

Вода?

Ему тут же вспомнилась прекрасная дева с мокрыми прядями волос из первого видения и ее неясный спор со старым монахом о бурных водах Хуанхэ и реки Хуай.

И верно: едва туман перед глазами рассеялся, как его взору предстала могучая, яростная река.

Она кипела и грохотала, вздымая серые гребни волн. Неистовый поток, подобно табуну безумных коней, несся вперед, разбиваясь о прибрежные скалы и рассыпаясь мириадами белых жемчужных брызг.

Свинцовое небо предвещало грозу. Тяжелые тучи висели над самой водой, отчего речная гладь казалась безжизненной, мертвенно-серой.

Меч Влекущий Тень парил у самой кромки бурлящих волн. Опасаясь сорваться в бездну, Шэнь Цинчжоу спешно посмотрел вверх.

Он увидел воина с грубым, обветренным лицом. Даже налипшая грязь и растрепанные волосы не могли скрыть величие и непреклонность, исходившие от этого человека.

Шэнь Цинчжоу видел его впервые, но в ту же секунду его разум услужливо подсказал имя незнакомца.

Юй.

В древних свитках "Книги гор и морей" говорилось: "Разверзлись бездны, и воды великого потопа поднялись до самых небес. Тогда Гунь тайно взял у Небесного Императора волшебную землю сижан, дабы засыпать бушующие воды, не дожидаясь его повеления. Разгневанный Император велел Чжужуну казнить Гуня в диких землях у горы Юйшань. Но из тела погибшего Гуня явился Юй, и Небесный Император приказал ему закончить начатое — обуздать стихию и разделить земли на Девять провинций".

Пусть эти предания давно поросли быльем, подвиг Великого Юя, умирившего великий потоп, оставался неоспоримой истиной.

В те далекие времена Меч Влекущий Тень верой и правдой служил Великому Юю. В походах против стихии это оружие пролило кровь сонма речных чудовищ и злых духов.

Юный Великий Юй, полный сил и решимости, взмахнул рукой в сторону бушующей реки и громогласно рассмеялся.

— Великие воды поднялись до небес, грозя поглотить священные горы! — Его голос перекрыл рев бури. — Но я даю нерушимый обет: я прорублю русла для девяти рек, направив их в Четыре моря, расчищу ручьи и каналы. Мы вернем людям пашни, даруем им пищу и покой, и на этой земле вновь воцарится великий порядок!

За этой великой клятвой стояли тринадцать долгих лет непосильного труда, когда, изнывая от усталости и забот, он трижды проходил мимо ворот родного дома, но так и не решился войти внутрь.

Глядя на бескрайние, погребенные под мутной водой поля, Шэнь Цинчжоу почувствовал, как к горлу подкатывает ком.

Внезапно картина перед глазами задрожала и покрылась тонкой паутиной трещин — видение рушилось. Шэнь Цинчжоу торопливо завертел головой, пытаясь ухватить хоть какую-то зацепку.

И в следующую секунду он обомлел.

Чуть позади Великого Юя высился диковинный зверь: полудракон-полуконь. Спину существа покрывали замысловатые узоры, а его копыта скользили по гребням ревущих волн так легко, словно это была ровная степная тропа.

Верхом на этом звере сидел юноша, облаченный в звериные шкуры.

Хотя лицо наездника было испачкано сажей и грязью, одного мимолетного взгляда хватило, чтобы Шэнь Цинчжоу узнал его.

Это был он сам — Шэнь Цинчжоу во всей юношеской поре своего пятнадцатилетия!

В голове не укладывалось: сначала дитя у ног Первого Императора, теперь — этот юноша, сопровождающий Великого Юя. И оба они обладали его лицом!

"Кто они такие?"

И кто тогда... я сам?!"

Голова раскалывалась от роящихся мыслей. В памяти вспыхивал то теплый взгляд Ин Чжэна, устремленный на ребенка, то образ юноши на спине мифического зверя, скачущего сквозь водяную пыль за Великим Юем.

Если этот ребенок и юноша — одно и то же существо, то как оно смогло преодолеть бездну в две тысячи лет? И почему сначала он был почти взрослым юнцом, а в эпоху Цинь обратился в несмышленного младенца?

"Кто же я такой на самом деле?"

Нет, нет, чушь!

Он — Шэнь Цинчжоу, приемный сын великого рода Цинь с острова Пэнлай. Он прекрасно помнил свое беззаботное детство на острове Мосин и долгие годы странствий со Старым главой семьи Цинь. Каждое из этих воспоминаний было живым и несомненным.

И все же... и все же...

Картина окончательно рассыпалась прахом. Все последующие образы тонули в глухом, непроницаемом тумане: лица расплывались, а голоса доносились сквозь вязкую пелену лишь обрывками фраз.

"...боги... роду людскому не под силу..."

"...на западе... Нефритовая гора... боюсь, произойдет..."

"...мы обязаны... Чжуаньсюй..."

Черный Император Чжуаньсюй, носивший родовое имя Цзи, великий владыка Гаоян, внук легендарного Желтого Императора. Именно он когда-то был первым хозяином Меча Влекущего Тень.

Голоса в голове слились в невыносимый гул, похожий на жужжание бесчисленного роя диких пчел. Он почувствовал в висках тупую, изнуряющую боль, и навалившаяся дурнота вновь увлекла его в беспамятство.

Придя в себя, он обнаружил, что наваждение рассеялось. Он по-прежнему сидел в тишине и покое Терема Черной Птицы.

— Глава терема, вы в порядке?

Сюй Юньянь, откровенно скучавшая и слонявшаяся без дела из угла в угол, тут же подскочила к нему, стоило юноше открыть глаза.

— Все хорошо, — Шэнь Цинчжоу слегка покачал головой.

Не считая легкой слабости, погружение в память древнего клинка обошлось без тяжелых последствий для его разума.

Опустив взгляд, он бережно провел кончиками пальцев по холодному лезвию. Невероятно, но от этого куска металла исходило отчетливое ощущение кровного родства, что повергало Шэнь Цинчжоу в еще большее смятение.

Всему свой черед, поспешишь — людей насмешишь. Для начала следовало разгадать загадку попроще: как Меч Влекущий Тень вообще очутился в сокровищнице семьи Цинь?

Если верить первому видению, реликвию передала их предкам та прекрасная незнакомка.

Великий Юй, гора Гуйшань, печать... Эти три ключа складывались в единую мозаику, указывая на древнего владыку вод Учжици.

Предания гласили, что Учжици являл собой исполинскую обезьяну с белоснежной головой, синим телом и золотыми глазами. Во времена великого потопа он безжалостно топил земли, пока Великий Юй не одолел его и не заковал в цепи у подножия горы Гуйшань.

Похоже, священный меч как раз и служил тем замком, что удерживал монстра в темнице. Именно поэтому Чжан Лян обещал вернуть оружие на место: стоило убрать печать слишком надолго, и водяной демон неизбежно вырвался бы на волю.

Однако в том разговоре прозвучало еще одно грозное слово: Хуанхэ. Но при чем здесь Желтая река?

Шэнь Цинчжоу тщетно ломал над этим голову.

— Сестра Жуньфэн, там внизу... О, дядя Куньюй уже очнулся?

Из-за приоткрытой двери показался растрепанный Тань Ци.

— Что стряслось? — Шэнь Цинчжоу поспешил отогнать наваждение.

— Там внизу какая-то Чэнь Линьэр просит ее принять.

— Господин Широких Познаний? — удивилась Сюй Юньянь. — С чего бы ей вдруг искать нашей встречи?

В ее представлении Чэнь Линьэр всегда была нелюдимой затворницей, державшейся особняком. С Шэнь Цинчжоу ее ровным счетом ничего не связывало.

— Одно личное дело, — Шэнь Цинчжоу поднялся на ноги. — Идемте, встретим ее как подобает.

Некоторое время назад он просил Шестого старейшину, Чэнь Линьэр, разузнать подробности о таинственном узоре, который оставил Чжоу Фу. И раз она пришла сама, значит, ниточка наконец-то нашлась.

<http://bllate.org/book/18428/1786107>